Сафо

Альфонс Доде

САФО

ФТМ
Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Д60

Перевод с французского
Николая Любимова

Доде, А.
Д60 Сафо / Доде, А ; [пер. с фр. Н. Любимов]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 262 с.

ISBN 978-5-4467-0648-8

В центре романа писателя, классика французской литературы Альфонса Доде «Сафо» – Фанни Легран, дама полусвета по прозвищу Сафо. Она не простая куртизанка, а личность, обладающая незаурядными способностями, вдохновляющая известных художников и поэтов. Фанни хочет любить, готова на самопожертвование, но на ней стоит клеймо падшей женщины.

litagent.ru
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Любимов, наследники, 2018

ISBN 978-5-4467-0648-8

Моим сыновьям –
с условием, что они прочтут эту книгу,
когда им исполнится двадцать лет.

I

— Да ну, посмотрите же на меня!.. У вас красивые глаза… Как вас зовут?

— Жан.

— Просто-напросто Жан?

— Жан Госсен.

— Вы южанин, вас выдает произношение… Сколько вам лет?

— Двадцать один год.

— Вы художник?

— Нет.

— Ах, как хорошо!..

Июньской ночью на бале-маскараде, в оранжерее, где росли пальмы и древовидный папоротник, служившие фоном мастерской Дешелета, обменивались обрывками этих фраз, заглушаемых криками, смехом, танцевальной музыкой, *pifferaro*[1] и феллашка.

На ее настойчивые расспросы *pifferaro* отвечал с простодушием, свойственным его нежному возрасту, с увлечением, с чувством облегчения, которое испытывал сейчас этот долго молчавший южанин. Чуждый миру художников и скульпторов, при входе на бал тотчас потерявший приятеля, который его сюда привел, он целых два часа прохаживался от скуки по залам, а женщины заглядывались на этого красивого блонди-

[1] *Волынщик* (итал.).

на с лицом, покрытым золотистым загаром, с мелкими и густыми, как ворс на его костюме, завитками волос, и незаметно для южанина вокруг него уже вздымалась и рокотала волна успеха.

Танцоры толкали его, молодые художники хихикали над волынкой, которую он держал боком, хихикали над тяжелой одеждой горца, в которой ему летней ночью было мучительно жарко. Между тем японка с глазами простолюдинки, с поддерживавшими ее высокую прическу стальными прутьями, задорно поглядывая на него, напевала: «Ах, как ты хорош, ах, как ты пригож, парень молодой!..» А невеста-испанка в шелковом платье с белыми кружевами, идя под руку с вождем индейского племени, яростно тыкала ему в нос букетом жасмина.

Он ничего не мог понять в этих заигрываниях; ему представлялось, что вид у него, наверное, сейчас уморительный, и он предпочел укрыться в прохладной тени застекленной галереи, где у самой стены под деревьями стоял широкий диван. Тут-то к нему и подсела эта женщина.

Красивая, молодая?.. Это он не сумел бы сказать... Из длинного синего шерстяного платья, обтягивавшего ее полное тело, выступали голые до плеч тонкие округлые руки. Изящные пальцы, унизанные кольцами, серые, широко раскрытые глаза, величину которых подчеркивали свисавшие со лба затейливые металлические украшения, — все это удивительно гармонировало.

Наверно, актриса. У Дешелета их перебывало мно-

го. Эта догадка встревожила его — подобная категория женщин внушала ему непреодолимый страх. Она сидела рядом, уперев локоть в колено, уронив голову на руку, и смотрела на него торжественно-грустно и слегка утомленно.

— Нет, вы правда южанин?.. А волосы какие светлые!.. Это редкость.

Потом ей захотелось узнать, когда именно он переехал в Париж, труден ли экзамен на право занятия должности консула, много ли у него знакомых и как он очутился на вечере у Дешелета, на Римской, так далеко от Латинского квартала.

Когда он назвал фамилию студента, который его сюда привел (Ла Гурнери… родственник поэта… ей, конечно, известно это имя…), лицо ее внезапно омрачилось, но он не обратил на это внимания: он был еще в том возрасте, когда глаза блестят, ничего не видя вокруг. Ла Гурнери обещал, что его двоюродный брат тоже будет здесь и что он их представит друг другу.

— Я так люблю его стихи!.. Я был бы счастлив с ним познакомиться…

Она грустно улыбнулась, — видимо, он внушал ей жалость своей непосредственностью, — изящным движением приподняла плечи, а затем, отведя рукой легкие листья бамбука, устремила взгляд на бал — не видать ли там великого человека.

Празднество между тем блистало и кружилось, как апофеоз в феерии. В мастерской никто не работал, а потому ее скорее можно было назвать холлом, и на легких, летних обоях этой громадной двусвет-

ной залы, на шторах из тонкой соломы, на газовых занавесках, на лакированных ширмах, на разноцветной посуде, на кусте желтых роз, закрывавшем очаг высокого камина в стиле Возрождения, играл причудливый, радугой переливающий свет бесчисленных фонариков, китайских, персидских, мавританских, японских, из резного железа, со стрельчатым сводом, точно дверь мечети, из цветной бумаги, придававшей им сходство с плодами, распахнутых в виде веера, напоминавших цветок, птицу ибиса, змею. По временам стремительная мощная струя голубоватого электрического света заставляла тускнеть сонм огоньков и заливала лунным сиянием лица и обнаженные плечи, фантасмагорию тканей, перьев, блесток, лент, во время танцев задевавших одна другую, поднимавшихся по голландской лестнице с широкими перилами, ведшей на галереи второго этажа, над которыми возвышались грифы контрабасов и мелькали осатанелые взмахи дирижерской палочки.

Молодой человек смотрел на все это сквозь сетку зеленых ветвей и цветущих лиан, составлявших часть убранства, обрамлявших празднество, и в силу обмана зрения ему казалось, будто навстречу танцевальной суете взлетают гирлянды глициний и увивают серебряный шлейф принцессы, будто лист драцены накрывает милую головку пастушки, одетой в стиле помпадур. Его интерес к зрелищу усиливался благодаря тому, что египтянка называла имена — широко известные, славные имена, скрытые под маскарадными костюмами,

забавными в своем разнообразии и замысловатости.

Псарь с коротким хлыстом через плечо — это Жадэн. Чуть дальше — в поношенной сутане сельского священника — старик Изабе; он кажется выше своего роста оттого, что в каждую из его туфель с пряжками подложена целая колода карт. Из-под огромного козырька фуражки инвалида улыбается старик Коро. Еще она ему показала Тома Кутюра, вырядившегося бульдогом, Юндта, вырядившегося «тюремной крысой», и Хама, вырядившегося диковинной птицей.

Пышные исторические костюмы, в которые облеклись совсем молодые художники, изображавшие кто Мюрата в шляпе с султаном, кто принца Евгения, кто Карла I, подчеркивали разницу между двумя поколениями: молодые художники были мрачны, холодны, их лица напоминали лица биржевиков, которых старят особого рода морщины, пролагаемые заботами о деньгах, зато старики были куда более шаловливы, шумливы, ребячливы, непоседливы.

Несмотря на свои пятьдесят пять лет и академические пальмы, скульптор Каудаль был в костюме балаганного гусара, с голыми руками, выставлявшими напоказ мощные бицепсы, с подвешенной наподобие ташки палитрой, бившей его по длинной ноге; он покачивал бедрами, представляя последнего кавалера времен Гранд-Шомьер, а напротив него композитор де Поттер, который изображал подгулявшего муэдзина, в тюрбане набекрень танцевал танец живота и пронзительно выкрикивал: «Алла ил алла!»

Широкий круг гостей отгораживал расшаливших-

ся знаменитостей от танцоров. На самом виду хозяин дома Дешелет щурил под высокой персидской папахой свои маленькие глазки, морщил калмыцкий нос, выставлял седеющую бородку, радовался тому, как развлекаются другие, и сам неприметно для окружающих веселился от души.

Инженер Дешелет, лет десять-двенадцать тому назад представлявший собой заметную фигуру в парижском художественном мире, щедрый, богатый, с поползновениями на причастность к искусству, отличавшийся той внутренней свободой, тем презрением к общественному мнению, которое вырабатывает в человеке образ жизни вечного путешественника и холостяка, в ту пору строил железную дорогу Тавриз — Тегеран и каждый год, чтобы прийти в себя после десятимесячного напряжения, после ночей в палатке, после лихорадочной скачки по пескам и болотам, проводил самое жаркое время года вот в этом особняке на Римской улице, построенном по его чертежам, обставленном, как летний дворец, собирал у себя умных мужчин и красивых женщин и требовал от цивилизации, чтобы она за несколько недель угостила его самыми пряными своими лакомствами.

«Дешелет приехал!» Как только, подобно театральному занавесу, над многооконным фасадом особняка поднимался огромный тиковый навес, новость мгновенно обегала мастерские. Это означало, что пойдет веселье, что предстоит два месяца музыки и танцев, приволья и раздолья, будившего сонную тишь богатого квартала, разъезжавшегося по дачам и морским курор-